

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вильгельм Кейтель

МЕМУАРЫ ФЕЛЬДМАРШАЛА

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ
ВЕРМАХТА

1938–1945

Вильгельм Кейтель

**Мемуары фельдмаршала. Победы
и поражение вермахта. 1938-1945**

«Центрполиграф»

Кейтель В.

Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938-1945
/ В. Кейтель — «Центрполиграф»,

Вильгельм Кейтель – начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ). Был приговорен к казни через повешение. Мемуары генерал-фельдмаршала написаны за несколько недель до приведения приговора в исполнение в тюрьме Нюрнберга. В книге представлены переписка Кейтеля с родными и составленные им документы военно-стратегического и организационного характера.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вильгельм Кейтель

Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938 – 1945 гг.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

БИОГРАФИЯ И КАРЬЕРА ФЕЛЬДМАРШАЛА КЕЙТЕЛЯ (1882 – 1946), НАПИСАННАЯ ВАЛЬТЕРОМ ГЕРЛИЦЕМ

На исторических фотографиях начальник штаба Верховного командования вооруженными силами Германии фельдмаршал Вильгельм Кейтель, подписывающий в Карлсхорсте под Берлином акт о безоговорочной капитуляции, выглядит как типичный представитель германского юнкерства, каким его всегда представляли себе союзники по антигитлеровской коалиции, – высокий, широкоплечий мужчина со слегка осунувшимся, но гордым и твердым лицом и моноклем, прочно вставленным в левый глаз. В час, когда тоталитарный режим Германии окончательно рушился, он демонстрировал, что является офицером старой школы, несмотря на то что в его облике не было никаких черт непреклонного прусского офицера.

Даже высококвалифицированные американские психологи, которые наблюдали и допрашивали его во время заключения, были склонны увидеть в нем прототип юнкера, прусского солдата; возможно, потому, что у них никогда не было реальной возможности изучить класс прусских юнкеров. На самом деле Кейтель происходил из совершенно другой среды.

Семья Кейтеля принадлежала к среднему классу землевладельцев из Ганновера, из региона с ярко выраженными антипрускими традициями; дед фельдмаршала арендовал земли у Ганноверского королевского двора и был близок с королевской семьей Ганновера, свергнутой Бисмарком. Военные устремления и традиции были абсолютно чужды этой семье, и в безмолвном протесте против аннексии Пруссией королевства Ганновер в 1866 г. дед Кейтеля в 1871 г. приобрел поместье Хельмшерод площадью 600 акров в районе Гандерхейм герцогства Брунсвик, по-прежнему ненавидя все прусское; и, когда его сын, отец фельдмаршала, поступил добровольцем на год в полк прусских гусар и приехал домой в отпуск, ему было строго-настрого запрещено переступать порог Хельмшерода до тех пор, пока на нем была ненавистная прусская форма.

Поместья Брунсвика вроде Хельмшерода были похожи на большие поместья к востоку от Эльбы; их владельцев нельзя было так просто отнести к классу юнкеров. Карл Кейтель, отец фельдмаршала, вел жизнь зажиточного фермера. В отличие от своего сына, который был азартным охотником и любил верховую езду и лошадей, он придерживался принципа, что хороший фермер не может быть охотником; эти две вещи несовместимы. Его сын совершенно искренне не желал ничего, кроме как когда-нибудь научиться самому управлять поместьем Хельмшерод; в его венах текла кровь фермеров. Он не много знал о земледелии, но, как потомок старинного рода арендаторов-землевладельцев и владельцев поместий, он унаследовал талант организатора. Несколько раз Кейтель обдумывал мысль отказаться от солдатской жизни, но обостренное чувство долга, как он его понимал, подогреваемое его честолюбивой и решительной женой, побудило продолжить военную службу.

Упрямство его отца, который не хотел отходить от управления Хельмшеродом, пока позволяет его здоровье, и усиливавшееся стремление землевладельцев сделать военную карьеру, в особенности после победоносной Франко-прусской войны 1870-1871 гг., привели к тому, что наследник Хельмшерода, Вильгельм Бодевин Иоганн Густав Кейтель, родившийся 22 сентября 1882 г., стал офицером. Как гласит семейное предание, он почти заплакал, когда окончательно решил расстаться со всякой надеждой стать фермером. В пользу этого решения был еще один довод, характерный для нового поколения фермеров среднего класса: если ты не мог быть фермером, то тогда только профессия офицера соответствовала твоему рангу. Но офицерский

состав, по крайней мере в маленьких северных и центральных областях Германии, был исключительно прусским. Каким унижением это было для семьи с такими сильными антипрускими традициями!

Ничто в его юности и первые офицерские годы не давало намека на то, что молодому Кейтелю предстоит подняться на высший пост в вооруженных силах Германии и что этот пост принесет ему такую мучительную смерть. Он был плохим учеником. Его истинными интересами, как уже говорилось, были охота, верховая езда и занятия сельским хозяйством. После окончания школы в Геттингене в марте 1901 г. он поступает в 46-й Нижнесаксонский артиллерийский полк, штаб и первый отряд которого располагались в Вольфенбюттеле в Брюнсвике.

Несмотря на плохую учебу в школе, молодой лейтенант Кейтель оказался хорошим и добросовестным солдатом. По его предыдущей жизни нельзя было утверждать, что он склонен к аскетизму. И хотя это было так, он ненавидел легкомыслие и отвергал неумеренность в удовольствиях. Когда он и его товарищ Феликс Бюркнер, известный наездник, были в 1906 г. приняты в Военную кавалерийскую академию, они пообещали друг другу, что «не будут развлекаться и заводить отношения с женщинами».

Будучи командиром дивизии в Бремене в 1934-1935 гг., по должностным поручениям Кейтель, естественно, пользовался служебной машиной, но его жена ездила на трамвае, поскольку своей собственной машины у них не было. Такая строгость и чрезвычайная корректность были характерны для этого человека. Во время войны, на пике топливного кризиса, Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил, шокировал высших руководителей СС, обслуживающих государственные похороны, приезжая на скромном «фольксвагене», в то время как они, господа с серебряными черепами на фуражках и девизом «Наша честь заключается в нашей преданности», подъезжали на громадных сверкающих лимузинах.

Так или иначе, молодой Кейтель вскоре привлек к себе внимание своих начальников. Сначала его имя было представлено командованию показательного полка училища полевой артиллерии, затем обсуждалось, не выдвинуть ли его на должность инспектора тренировочного подразделения для офицеров-новобранцев.

В апреле 1909 г. лейтенант Кейтель женился на Лизе Фонтайн, дочери богатого владельца поместья и пивовара из Вульфеля, близ Ганновера, яростного антипруссиста, для которого первое время новый «пруский» зять не был желанным членом его семьи.

У Лизы Фонтайн было много интеллектуальных и художественных интересов; в юности она была очень красивой, но жесткой в поведении. Насколько можно судить по оставшимся после нее письмам, она была, скорее всего, более сильным и явно более честолюбивым партнером в этом браке; Вильгельм Кейтель же был просто обыкновенным офицером, единственным тайным стремлением которого было стать фермером и управлять Хельмшеродом. Это супружество, которое было осчастливлено тремя сыновьями и тремя дочерьми, одна из которых умерла в юности, прошло сквозь все испытания и несчастья. Даже когда настал самый страшный час и ее муж был приговорен к смерти Международным военным трибуналом в Нюрнберге, Лиза Кейтель сохранила самообладание. Что касается сыновей Кейтеля, которые все стали офицерами, то старший женился на дочери фельдмаршала фон Бломберга, военного рейхсминистра, в чьей гибели был виновен Кейтель, хотя и не предумышленно; а младший сын впоследствии погиб, сражаясь в России.

За умение хорошо выражать свои мысли командир полка Кейтеля выбрал его своим адъютантом. В прусско-германской армии эта должность была очень ответственной: в обязанности полкового адъютанта входили не только вопросы управления личным составом, но также разработка мобилизационных мероприятий и многое другое.

Но его начальники, видимо, верили, что лейтенант Кейтель способен на гораздо большее: во время осенних учений 10-го корпуса, в который входил его полк, начальник штаба

корпуса полковник барон фон дер Венге завязал с ним разговор, из которого Кейтель сделал вывод, что его выдвигают в среду щеголей Генерального штаба; и это предчувствие его не обмануло. Таким образом, зимой 1913/14 г., человек, который всю свою жизнь ненавидел бумажную работу, начал, как он сам писал в первой части своих воспоминаний, изучать «серого осла», как это время называли в немецкой армии справочник для офицеров Генерального штаба.

В марте 1914 г. Кейтель проходил курсы корпуса для действующих и будущих офицеров Генерального штаба; на эти курсы были откомандированы четыре офицера Генерального штаба сухопутных войск, в том числе капитаны фон Штюльпнагель и фон дер Бусше-Иппенбург, оба позднее стали влиятельными людьми в республиканском рейхсвере.

Именно Бусше-Иппенбург, занимавший в маленькой республиканской армии ключевую должность начальника отдела кадров вооруженных сил, согласно первой части воспоминаний Кейтеля, перевел его в отдел Т-2 так называемого «Войскового управления», секретного агентства, организованного взамен Генерального штаба, запрещенного по Версальскому договору.

На войну Кейтель ушел с 46-м артиллерийским полком и в сентябре 1914 г. был довольно серьезно ранен осколком снаряда в правое предплечье. В его семейных документах есть несколько писем, написанных им его отцу и тестю, а также его женой к ее родителям, которые показывают отношение Кейтеля к этой первой великой и ужасной войне в Европе. Естественно, по долгу службы он был обязан свято верить в победу Германии, но в то же самое время глубоко внутри него была печальная убежденность в том, что на самом деле все, что они могут сделать сейчас, – это всего лишь держаться изо всех сил. Таковым было и его отношение ко Второй мировой войне. Непреклонное исполнение своих обязанности, слепое повиновение и никакой надежды на победу. Он выполнял приказы своего главы государства и продолжал служить ему даже на Нюрнбергском процессе, несмотря на признаваемую им самим неспособность понять этого последнего верховного вождя Германии.

Поворотной точкой в его карьере как офицера стало назначение в Генеральный штаб в 1914 г.; Генеральный штаб – со времен Мольтке – был элитой офицерского состава. Его письма той поры показывают, каким тяжелым был этот удар, обрушившийся на него, и как хорошо он понимал, что ему недостает интеллектуальных возможностей для этой новой работы; а письма его жены – огромную гордость в связи с назначением ее мужа.

Относительно последующих лет службы Кейтеля в эшелонах высшего командования республиканского рейхсвера есть достаточно свидетельств сильной нервозности Кейтеля и ненасытной его страсти к работе.

Об отношении Кейтеля к кайзеру Вильгельму II или прусской монархии в период окончания Первой мировой войны, когда Кейтель служил в Генеральном штабе в чине капитана в военно-морском корпусе во Фландрии, практически ничего не известно.

В течение долгого времени, по словам его старшего сына, на письменном столе у Кейтеля стоял портрет наследного принца Вильгельма, даже в министерстве обороны рейха, но в конце концов он убрал это изображение не вполне достойного наследника прусских королей и германских императоров.

В письме своему тестю от 10 декабря 1918 г. Кейтель пишет, что в ближайшем будущем он хочет оставить профессию офицера «навсегда». Но тем не менее, этого не происходит. После короткого периода службы пограничником на польской границе и службы офицером Генерального штаба в одной из новых бригад рейхсвера и еще после двух лет преподавания в Ганноверской кавалерийской школе Кейтель был переведен в министерство обороны рейха, в войсковое управление, замаскированный Генеральный штаб, с назначением якобы в организационный отдел сухопутных сил, Т-2. Как он писал в письме к своему отцу 23 января 1925 г., он был зачислен не в сам отдел Т-2, а на должность старшего над ближайшим окружением тогдашнего начальника войскового управления генерал-лейтенанта Ветцеля. На этой должности Кейтель в основном занимался тем, что пытался увеличить скромные резервы – офици-

ально запрещенные Версальским договором – для малочисленного рейхсвера; работал он и над организацией военных пограничных структур для охраны германско-польской границы. В маленьком войсковом управлении с его четырьмя отделами (Т-1, оперативным; Т-2, организационным; Т-3, разведывательным, и Т-4, боевой подготовки) он очень близко сошелся с некоторыми офицерами, и их пути неоднократно пересекались. Вернер фон Бломберг, который впоследствии стал главным начальником Кейтеля в качестве военного рейхсминистра, начал как начальник отдела Т-4, а с 1927-го по 1929 г. был начальником войскового управления, другими словами, *de facto* начальником Генерального штаба. Полковник барон фон Фрич был начальником отдела Т-1. Именно Фрич как главнокомандующий сухопутными войсками в 1935 г. выдвинул Кейтеля на должность начальника Управления вооруженных сил (*Wehrnachtamt*). Полковник фон Браухич, впоследствии рекомендованный Кейтелем на должность главнокомандующего сухопутными силами, также некоторое время был начальником Т-4.

В сентябре 1931 г. начальник Т-2 Кейтель и главы Т-1 и Т-4, генерал-майор Адам и полковник фон Браухич, наносят дружественный визит в Советский Союз; в это время между рейхсвером и Красной армией были весьма теплые отношения, и этой традиции уже было около десяти лет. Среди документов фельдмаршала нет никаких записей, которые могли бы пролить свет на военный опыт, приобретенный в этой поездке, но в письме к своему отцу от 29 сентября 1931 г. он описывает свои впечатления от русской экономики и дает высокую оценку армии этой страны; строгое руководство и уважительное отношение к армии произвели сильное впечатление на немецкого подполковника.

После 1930 г., когда на протяжении нескольких лет Кейтель возглавлял организационный отдел, начались первые секретные приготовления по созданию так называемой армии «А», резервных войск, предназначенных для утращения численности существующей армии из семи пехотных и трех кавалерийских дивизий в случае чрезвычайного положения в стране или при ослаблении условий разоружения, наложенных на Германию. Даже заклятый враг Кейтеля, фельдмаршал фон Манштейн, который даже не упоминает Кейтеля в своих воспоминаниях¹ об их поездке в Россию в 1931 г., вынужден согласиться, что в области военного дела Кейтель проделал великолепную работу.

С другой стороны, в письмах его жены к ее матери и иногда даже в письмах самого Кейтеля к его отцу мы видим отражение тяжести и смутности последних лет первой германской республики: Лиза Кейтель зачастую жаловалась на огромную массу бумажной работы, свалившейся на ее мужа, и его нервозность – черту, которой никто не предположил бы в таком сильном человеке. Политика, как таковая, затрагивалась лишь слегка. Как большинство из так называемых примерных граждан Германии, оба супруга Кейтель поддерживали Гинденбурга, который был избран президентом рейха в 1925 г.; после него они болели за многообещающего и энергичного рейхсканцлера Брюнинга (1931 – 1932), а затем – за Франца фон Папена, при чем управлении армия получила еще больше возможностей.

Очень жаль, что у нас нет комментариев Кейтеля по поводу наиболее загадочной и важной фигуры в тогдашнем министерстве обороны рейха, генерале фон Шлейхере, который сначала возглавлял главное управление, а затем – управление министерства, офицере, который с 1932 г. был министром обороны рейха, а в конце, с декабря 1932 г. по 28 января 1933 г., был последним перед Гитлером рейхсканцлером.

Возможная причина их отсутствия может заключаться в его болезни поздней осенью 1932 г., когда он страдал от сильнейшего флебита на правой ноге, на который он поначалу не обращал внимания, и даже продолжал ходить пешком от своего дома в Западном Берлине до здания министерства обороны на Бендлерштрассе, – явное доказательство его ревностного отношения к своему долгу. Конечным результатом этого стал тромбоз и плевральная эмболия,

¹ Манштейн фон Эрих. Из жизни солдата. Бонн, 1958. Р. III.

сердечный приступ и двустороннее воспаление легких. Его жена в это время тоже страдала от болезни сердца, и период выздоровления у них совпал.

В течение тех месяцев, когда начальник отдела войскового управления Т-2 лежал больной, он сначала вызывал подчиненных к своей постели для повседневного инструктажа и все время думал написать заявление об отставке. Если бы Кейтель в эти месяцы был на работе, то он, возможно, поддержал бы генерала фон Шлейхера, тогдашнего рейхсканцлера и министра обороны.

Он все еще находился в клинике в горах Высокие Татры в Чехословакии, когда 30 января 1933 г. президент фельдмаршал фон Гинденбург провозгласил фюрера Национал-социалистической партии Германии Адольфа Гитлера 21-м рейхсканцлером Германской республики. По воспоминаниям Кейтеля, первая реакция человека, который, в конце концов, был одним из старших офицеров Генерального штаба Германии, на это назначение была в высшей степени негативной. Он рассказывает о том, как его засыпали вопросами и в клинике д-ра Гура Татра-Вестерхайм, и на протяжении всего пути назад в Берлин: что же теперь будет?

«Я заявил [пишет Кейтель], что считаю, что Гитлер – это *ein Trommler*, «барабанщик», который имеет огромный успех среди простых людей только благодаря силе своего красноречия; я сказал, что сомневаюсь, подходит ли он на самом деле для роли рейхсканцлера».

Большинство старших офицеров рейхсвера с такой же явной осторожностью приняли нового рейхсканцлера, пришедшего после двадцати предыдущих за последние восемнадцать скорбных лет Веймарской республики. Как бы то ни было, Гитлер стал рейхсканцлером и, что было более существенно для подполковника Кейтеля, генерал-лейтенант фон Бломберг, бывший одно время его начальником в войсковом управлении, с которым, по его собственным словам, он с самого начала очень хорошо ладил и о чьем уходе очень сильно сожалел, стал теперь рейхсминистром обороны при Гитлере:

«Бломберг между тем был переведен в министерство обороны рейха, рейхспрезидент внезапно вызвал его из Женевы, где он возглавлял германскую делегацию на конференции по разоружению. За его назначением стояли фон Рейхенау и генерал фон Гинденбург, сын рейхспрезидента. Гитлер долгое время был знаком с фон Рейхенау, и последний уже оказывал ему – по его же словам – огромную поддержку во время его избирательных поездок по Восточной Пруссии, когда он завоевывал для партии эту провинцию.

В начале мая [1934 г.] были проведены первые крупномасштабные учения Генерального штаба в Бад-Нойхеме под руководством нового главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника барона фон Фрича; фон Фрич сменил фон Гаммерштейна в качестве главнокомандующего 1 февраля. Я хотел бы заявить здесь, что фон Бломберг пытался представить кандидатуру Рейхенау лично президенту рейха, даже угрожая уйти в отставку, но старый Гинденбург отослал их обоих и назначил барона фон Фрича, нисколько не принимая во внимание попытки Гитлера поддержать Бломберга в его борьбе за Рейхенау. Таким образом, первая попытка передать армию в руки национал-социалистического генерала не удалась. Когда я сразу же после его назначения встретился с Фричем, чтобы поздравить его, он сказал, что я был первым, кто сделал это, и по старой памяти он был чрезвычайно рад этому».

Теперь уже нельзя точно определить, что же объединяло Кейтеля и Бломберга: Бломберг был весьма одаренным, чрезвычайно умным и интересовался самыми различными вещами, намного превосходя стандартный образец прусского офицера; Кейтель был добросовестным, лояльным, выдающимся экспертом в своих областях. Возможно, это и стало причиной, по которой Бломберг выбрал его в качестве своего ближайшего коллеги, особенно потому, что в это время на повестке дня стояло увеличение армии, и никто не мог бы взяться за эту проблему так успешно и так рьяно, как Кейтель.

После выздоровления Кейтель задержался немного на своем старом посту главы отдела Т-2. Первый раз он встретился и поговорил с Гитлером в Бад-Рейхенхалле в июле 1933 г. – все еще в должности главы организационного отдела в войсковом управлении – на собрании старших военачальников *Sturmabteilung*, СА, – штурмовых отрядов – личной армии национал-социалистической партии.

В одном из писем его жены к ее матери, написанном 5 июля 1933 г., описываются впечатления Кейтеля от Гитлера: «У него был продолжительный разговор с Гитлером, он был вызван в его загородный дом и был в полном восторге от него. Его глаза были удивительными, и как этот человек мог говорить!..»

Любопытно, что ни Гитлер, ни Кейтель, похоже, потом не вспоминали этот разговор, потому что позднее Кейтель говорит, что он познакомился с Гитлером только в 1938 г., когда на пике кризиса с Бломбергом и Фричем Гитлер захотел встретиться с «этим генералом *фон* Кейтелем», о котором он явно не вспоминал на протяжении пяти лет. Можно отметить, что это было характерно для Гитлера, – он автоматически допустил, что имя Кейтеля, как прусского генерала, имело приставку *фон*, говорящую о дворянском происхождении.

Конференция в Бад-Рейхенхалле была созвана Гитлером, чтобы сгладить трения, существовавшие между легальными вооруженными силами Германии и полувоенными партийными войсками СА, проблемы, на которой Кейтель в своих мемуарах останавливается довольно подробно; его воспоминания об этом времени как командующего 3-й пехотной дивизией в Потсдаме в 1934 г. проливают новый свет на подоплеку того, что потом назвали «ночью длинных ножей» – кровавой чистки СА. Кейтель откровенно выступает против темных интриг СА:

«Группировка СА в Берлине – Бранденбурге под командованием генерала СА Эрнста – бывшего ученика официанта, который в шестнадцать лет был добровольцем-вестовым на мировой войне, – стала заметна благодаря ее интенсивной деятельности в моем регионе [Потсдам]. Повсюду создавались все новые отряды СА, которые пытались установить контакты с офицерами рейхсвера по всей моей области. Эрнст также нанес несколько визитов и мне, но я так и не смог определить, что действительно стояло за этим. Летом 1934 г. он начал заводить разговоры вокруг наших секретных [и нелегальных] оружейных складов в моей области; он полагал, что они находятся в опасности, потому что им недостает охраны, и предложил обеспечить их охраной. Я поблагодарил его, но предложение его отклонил; одновременно с этим я сменил дислокацию нескольких складов (пулеметов и винтовок), потому что я опасался, что эти места были выданы ему. Мой офицер Генерального штаба (майор фон Ринтелен) и я оба чувствовали опасность; мы нисколько не доверяли группировке СА и относились весьма подозрительно к неясной подоплеке их бурно выражаемого дружелюбия.

Фон Ринтелен служил в разведывательной службе под командованием полковника Николаи [начальник контрразведки Генерального штаба и разведывательной службы во время Первой мировой войны], поэтому был грамотным офицером разведки, и я позволил ему применить свои умения в этой «области» и заглянуть за кулисы происходящего. Для видимости он просто проверял некоторые предложения людей Эрнста. Тем временем мы свернули самые маленькие оружейные склады, которые не были защищены с военной точки зрения, и перевели их в ремонтные мастерские в Потсдам.

Фон Ринтелен сумел пролить достаточно света на происходящее благодаря болтливости штурмовиков. Хотя мы не подозревали ни о каких политических планах, которые мог бы задумать такой человек, как Рем, мы узнали, что они собирали оружие для какой-то «операции» в Берлине в конце июня и что их готовили – при необходимости – добыть его, захватив военные оружейные склады, местонахождение которых было им выдано.

Я поехал в Берлин и позвонил в военное министерство, чтобы поговорить с фон Фричем, но не застал его там. Я отправился к Рейхенау, а затем с ним – к Бломбергу и там рассказал о секретных планах берлинской группировки СА. Меня выслушали с прохладцей и сказали, что

это всего лишь фантазии: СА лояльны к фюреру, и от них, без сомнения, не исходит никакой опасности. Я сказал, что я не удовлетворен этим. И приказал фон Ринтелену поддерживать контакт и продолжать дальнейший сбор информации о намерениях СА. Примерно во второй половине июня Эрнст вновь нанес мне визит в моем офисе в Потсдаме, сопровождаемый своим адъютантом и начальником штаба [фон Мореншильдом и Сандером].

Я вызвал Ринтелена присутствовать как наблюдателя. После полного набора пустых фраз Эрнст вновь завел разговор об оружейных складах, убеждая меня доверить ему их охрану в тех местах, где не были размещены воинские подразделения: у него была информация, как он сказал, что коммунисты знают, где находятся эти склады, и он боится, что они захватят их. Я вступил в разговор и рассказал ему о трех местных маленьких складах, про которые, однако, я знал, что они уже были вывезены. Меры по передаче их под охрану должны были быть разработаны в ближайшем будущем с директором оружейных складов, и Эрнсту должны были сообщить об этом. Наконец Эрнст простился со мной, сказав, что в конце этого месяца он надолго покидает страну и что он назовет мне своего представителя.

С этой новой информацией о планах путча майор фон Ринтелен в тот же день поехал в Берлин и позвонил Рейхенау в военное министерство; этот внеплановый визит Эрнста был окончательным подтверждением всех наших подозрений. Ринтелен встретился с Бломбергом, который теперь начал серьезно относиться к этому. Позже он проинформировал меня, что в тот же день он сообщил эти новости Гитлеру, и последний ответил, что он поговорит об этом с Ремом, хотя Рем избегал его в течение нескольких недель, поскольку Гитлер считал необходимым строго спросить с него касательно народной милиции.

Путч 30 июня не произошел. Гитлер из Бад-Годесберга сразу же улетел в Мюнхен, где он получил самые последние новости о планах, вынашиваемых Ремом. Рем созвал всех своих соучастников в Бад-Висзее. Гитлер прибыл туда на рассвете и захватил заговорщиков с поличным. Таким образом, можно сказать, что план Рема был расстроен в тот самый день, когда он организовывал этот путч. Никакого путча не произошло. Согласно документам, захваченным Гитлером в Бад-Висзее и показанным Бломбергу, путч был направлен главным образом против армии – то есть рейхсвера – и ее офицерского корпуса, как оплота реакции. Они считали, что Гитлер явно просмотрел этот этап в своей революции, но они смогут исправить это сейчас. Бломберг и Фрич должны были быть смещены – Рем хотел заполучить одну из этих должностей себе.

Поскольку план Рема, по сути, заключался в усилении вооруженных сил, разрешенных нам по Версальскому договору, многочисленной народной милицией по швейцарской модели, это было уже хорошо известно фон Шлейхеру [прежнему рейхсканцлеру и военному министру].

Рем задумал превратить СА с их революционным офицерством, состоявшим главным образом из бывших армейских офицеров, недовольных своей отставкой и поэтому враждебно настроенных к рейхсверу, в будущую народную армию по территориальному принципу. Она никогда не стала бы работать совместно с рейхсвером, а только против него, что означало бы ликвидацию рейхсвера. Рем знал, что Гитлер уже отверг такие идеи, поэтому он хотел принудить Гитлера к сотрудничеству, поставив его перед свершившимся фактом.

К сожалению, генерал фон Шлейхер также приложил к этому руку: он всегда был кошкой, которая не устоит перед политическими мышами. Вот почему Шлейхер и его эмиссар фон Бредов, который ехал в Париж с предложениями Рема к французскому правительству, были арестованы. Я не осведомлен, предпринял ли кто-нибудь из них попытку вооруженного сопротивления, но сегодня я склонен думать, что нет. Оба были расстреляны.

Фон Бломберг хранил в своем сейфе список фамилий тех, кто был расстрелян; в нем было семьдесят восемь имен. Очень жаль, что во время Нюрнбергского трибунала свидетели, даже Юттнер [генерал-лейтенант СА], умолчали о реальных планах Рема и старались замять это

дело. В этих планах участвовали и были полностью посвящены в них только высший эшелон руководящих кадров СА; среднее звено СА и офицеры рангом ниже полковника не имели о них ни малейшего понятия и, скорее всего, никогда о них и не узнали.

Тем не менее, то, что он [Бломберг] сказал в благодарственной телеграмме Гитлеру, безусловно правильно: решительным личным вмешательством Гитлера в Бад-Висзее и предпринятыми им действиями он смог предотвратить назревавшую опасность до того, как она разгорелась в разрушительный пожар, который унес бы во сто крат больше жизней, чем это произошло в конечном итоге. Почему виновные стороны не предстали перед военным трибуналом, а были просто расстреляны, находится за пределами моего понимания».

Этот комментарий характеризует непосредственность фельдмаршала. То, что Гитлер не имел законного права устраивать эти казни, то, что это было явным нарушением законности, не поняли в 1934 г. ни Бломберг, ни Кейтель: они увидели впереди только неясные и внушающие опасения очертания постреволюционного состояния СА, в лице подставной фигуры Рема. Как напишет позже фельдмаршал фон Манштейн: «Чем больше те дни отдаляются от нынешних, тем больше людей, кажется, склонны преуменьшать степень опасности, представляемой СА во времена командования такого человека, как Рем; они же представляли опасность не только для рейхсвера, но и для всего государства».

Карл Эрнст, лидер Берлинской группировки СА, его адъютант и начальник штаба были расстреляны в ночь с 30 июня на 1 июля, в «ночь длинных ножей»; Эрнст Рем, начальник штаба СА, был расстрелян на следующий день рано утром; генерал Курт фон Шлейхер и его жена были убиты в эту ночь в своем доме в Ной-Бабельсберге, а также был расстрелян генерал-майор фон Бредов.

Весной 1934 г. умер отец Кейтеля, и он получил в наследство поместье Хельмшерод. Кейтель подал прошение об отставке, поскольку решил полностью посвятить себя делам семейного поместья; он хотел уйти в отставку с 1 октября 1934 г. Но его вызвал начальник военного кадрового управления, генерал Швельдер, который сказал ему, что Фрич готов предложить ему должность командующего дивизией под Хельмшеродом, и Кейтель выбрал 22-ю пехотную дивизию в Бремене, отзывав свое заявление об отставке. «Такова сила человеческой судьбы», — говорит Кейтель в своих воспоминаниях. Но он недолго был на этой новой должности.

«В конце августа [1935 г.] мне позвонил командующий военным округом [генерал фон Клюге], который хотел, чтобы я приехал и встретился с ним, чтобы обсудить что-то очень срочное. В это время я был на учебном полигоне в Ордруфе; вблизи которого мы и встретились и спокойно поговорили с глазу на глаз.

Он был крайне дружелюбен, рассказал мне, что 1 октября я должен сменить фон Рейхенау на посту начальника вермахта [управления вооруженных сил] в министерстве Бломберга и что другому кандидату на этот пост, фон Фитингофу, уже отказали. Я был очень взволнован и, несомненно, не мог этого скрыть. Затем он сказал мне, что за моим выдвижением стоял Фрич и что я должен иметь в виду, что это было практически вотумом доверия от Фрича и Бломберга. Я попросил его сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить мое назначение, для этого еще было время. Я просил его сказать Фричу, что, как солдат, я никогда не был так счастлив, как сейчас, командуя дивизией в Бремене; я не хотел иметь никаких дел с политикой. Он пообещал сделать это, и мы расстались.

По дороге назад из Ордруфа в Бремен я остановился на несколько дней в Хельмшероде, где жила моя жена с нашими детьми. Она убеждала меня согласиться на эту должность и не делать ничего, что могло бы навредить моим шансам на избрание...»

У Кейтеля с Фричем долгое время были хорошие отношения, и он высоко ценил Бломберга как понимающего, умного и образованного руководителя. Кейтель хотел укрепить позиции военного министра рейха как Верховного главнокомандующего вооруженными силами и

создать для него в управлении вооруженных сил – и прежде всего в департаменте национальной безопасности – эффективный объединенный оперативный штаб, управляющий всеми родами войск. Он никогда не считал себя, как по образованию, так и по талантам, пригодным для роли начальника Генерального штаба вооруженных сил; как и Бломберг, он осознавал необходимость установления такого поста, но этот пост никогда не был создан. И армия – в лице генерал-полковника Фрича и генерала Людвиг Бека, позднее ставшего начальником войскового управления и главным военным теоретиком, – а также военно-морской флот изо всех сил противились этим новшествам.

Но активнее всего протестовала именно армия. Генерал Бек, начальник Генерального штаба сухопутных сил, откомандировал одного из своих наиболее талантливых офицеров Генерального штаба баварца Альфреда Йодля в департамент национальной безопасности в благой надежде на то, что Йодль будет защищать интересы армии. Но Йодль, блестящий мыслитель, также загорелся новыми идеями. Ненависть Бека к Кейтелю стала смертельной, до такой степени, что такой изысканный человек, как Бек, стал использовать грубые выражения.

Еще большей проблемой было приведение в порядок военно-воздушных войск Германии: этот третий и новейший род войск находился под командованием бывшего капитана авиации Германа Геринга, только что произведенного в генерал-полковники и наслаждавшегося обладанием уникальной политической властью, сочетая должности рейхсминистра авиации, премьер-министра Пруссии и комиссара четырехлетнего плана, одновременно не входя в высшие партийные круги.

Отношения Кейтеля и Бломберга были дружескими, но прохладными и официальными. Они хорошо относились друг к другу, никогда не ссорились и даже не спорили друг с другом; но какой-либо близости, которую можно было бы ожидать после долгих лет знакомства, начиная с 1914 г., между ними не было. Сам Кейтель всегда приписывал это тому, что после смерти жены весной 1932 г. Бломберг замкнулся в себе. Его же отношения с фон Фричем, главнокомандующим сухопутными силами, были, напротив, всегда дружескими, сердечными и доверительными. По инициативе последнего они часто проводили вечера наедине друг с другом, разговаривая и предаваясь воспоминаниям за бокалом вина.

В 1936 г. Кейтеля произвели в генерал-лейтенанты; этот год был полностью занят перестройкой в вооруженных силах Германии и принес весьма драматические дни, связанные с ремилитаризацией Германией Рейнской зоны 7 марта 1936 г.

«Это была очень рискованная операция, поскольку существовала огромная опасность того, что французы наложат санкции. Жесткие протесты западных держав склонили Бломберга предложить Гитлеру отозвать те три батальона, которые фактически были всеми нашими войсками, перешедшими Рейн, и которые продвинулись до Экс-ла-Шапель, Кайзерслаутерна и Саарбрюккена. Второй батальон 17-го пехотного полка вошел в Саарбрюккен и проходил по торговой площади, а в это время французские пушки были наведены на город. Гитлер отвергал все предложения по отводу батальонов: если враг атакует, они должны будут принять бой и не отступать ни на дюйм. Были изданы соответствующие приказы на этот случай.

Три наших военных атташе в Лондоне получили наиболее сильные протесты. Фрич и Бломберг снова возражали Гитлеру, но он отвергал любые уступки угрозам. Наше министерство иностранных дел получило ноту из Лондона, требующую гарантий, что к западу от Рейна не будет построено ни одного укрепления. Бломберг улетел в этот день в Бремен. В его отсутствие фюрер вызвал к себе Фрича, Нейрата [рейхсминистра иностранных дел] и меня. Это был первый раз – не считая первого случая, когда я рапортовал ему среди других генералов, – когда я предстал перед ним. Он поинтересовался, что планируют Фрич и Нейрат ответить на эту ноту, и наконец спросил меня. До этого момента я был только безмолвным слушателем. На его вопрос я предложил ответить, что пока мы не будем там воздвигать постоянные укрепления: мы могли сказать это с чистой совестью, поскольку только по техническим соображениям

нам потребуется не менее года, чтобы сделать там хоть что-нибудь. Фюрер спокойно выслушал меня, но, как показалось, сначала не расположен был соглашаться с моим предложением; затем он решил ответить на эту ноту уклончиво: мы ответили, что мы будем учитывать их требования, несмотря на то что у нас и не было таких планов, и в настоящий момент мы не видим в этом необходимости. Поскольку мы уже начали строительство укреплений вдоль других участков нашей западной границы, хотя они были только частью долгосрочной программы, рассчитанной до 1950 г., никто лучше французов не понимал необязательные отговорки, к которым мы прибегали в нашей терминологии.

Нейрату было приказано подготовить этот ответ, а Фричу и мне было разрешено удалиться. Это была моя первая официальная встреча с Гитлером. В последующие дни напряжение ослабло: Гитлер играл с огнем и победил, действуя против совета его солдат, он нисколько себя не скомпрометировал. Он показал большее хладнокровие и более развитый политический инстинкт. Маленькая победа, которая возвысила его в наших глазах».

* * *

В 1938 г. генерал-лейтенант Кейтель, бывший тогда главой управления вооруженных сил, был рекомендован Гитлеру уходящим в отставку военным рейхсминистром фон Бломбергом, как его новый начальник канцелярии.

Бломберг мог рекомендовать его с чистой совестью. Управление вооруженных сил было уже отдельной гибридной структурой: формально Бломберг мог иметь заместителя, как военный министр и «начальник штаба» в качестве Верховного главнокомандующего вооруженными силами; но в диктаторской структуре фюрера с полным отсутствием парламентской жизни, и только редкими плебисцитами, проводимыми время от времени, должность государственного секретаря потеряла свою значимость, и даже и во времена Веймарской республики, с ее гражданскими секретарями по обороне, не было такой должности. Неофициально эти обязанности исполнял лично начальник Главного управления рейхсминистра обороны.

При Бломберге министерский секретариат и аппарат начальника штаба были объединены. Таким образом, управление вооруженных сил объединило под одним руководством службу стратегического планирования, военно-командную канцелярию, департамент национальной обороны и множество других департаментов, обрабатывающих всю эту информацию, разведывательные и административные функции министерства, а также его спорную функцию объединенного командования вооруженными силами. Систематическое расширение этого управления, а также постоянное расширение департамента национальной обороны в настоящий центр руководства для всех трех родов войск, сухопутных, военно-морских и воздушных сил, к которому стремился Кейтель, было грубо прервано свержением Бломберга в начале 1938 г.

Кейтель объяснял, что он не предполагал, что его ожидало, когда – без каких-либо колебаний – он согласился принять предложенную ему Гитлером должность «начальника Верховного командования вооруженных сил», хотя известно, что он высказывал мнение, что по логике эта должность должна была называться «начальник штаба при Верховном командовании вооруженных сил». Можно было подумать, что его влияние было не так сильно, но во время кризиса Бломберга – Фрича он сумел добиться назначения в качестве приемника Фрича своего собственного кандидата.

Его кандидатом был фельдмаршал фон Браухич, отпрыск силезской фамилии, которая дала Пруссии дюжину генералов за предыдущие сто пятьдесят лет, он вызвал его в Берлин из Лейпцига, где некоторое время он был командующим 4-й группой армий. Браухича, воспитанного в кадетском корпусе и в гвардии полевой артиллерии, другие старшие генералы встретили с полным одобрением, и больше всех – истинный юнкер генерал фон Рундштедт; с другой сто-

роны, его назначение поставило точку в судьбе выдающегося и талантливого начальника Генерального штаба генерала Бека. Кейтель, вероятно, никогда не испытывал каких-либо теплых чувств к этому офицеру, и Браухич безусловно не желал работать вместе с таким начальником Генерального штаба.

К тому же Кейтель упорно настаивал на назначении на должность начальника кадрового управления армии своего брата и на исключении из окружения Гитлера тогдашнего адъютанта вооруженных сил, энергичного и уверенного в себе полковника Хоссбаха. Хоссбах утверждал традиции прусского Генерального штаба и защищал идеи генерала Бека, который считал, что командование в вооруженных силах было привилегией только старого классического Генерального штаба. В тесном сотрудничестве с главнокомандующим вооруженными силами Кейтель надеялся преодолеть сопротивление двух других главнокомандующих и установить единое командование вооруженными силами.

Так или иначе, победа Кейтеля над предложенной Гитлером кандидатурой Рейхенау была пирровой победой: в то время Гитлер уже одержал целый ряд дипломатических побед, и Кейтель беспристрастно свидетельствует о том, как сильно впечатляли подобные успехи простых солдат. Но несомненно он уже тогда был тем чудовищем, которым он затем показал себя во время войны.

Кейтель считал, что он хорошо знал Браухича, и он был о нем высокого мнения с тех пор, как они оба стали главами отделов в войсковом управлении и вместе ездили в Советский Союз. Браухич был высокообразованным и несколько чувствительным человеком старой школы.

По внешности, по своему хорошему образованию, по выправке старшего офицера и по изысканности Кейтель был близок Браухичу, но полной противоположностью Гитлеру. Внешне Кейтель выглядел как землевладелец-юнкер: он любил хорошо поесть, не отказывался от бокала вина, который, тем не менее, редко появлялся на его рабочем столе; время от времени любил выкурить сигару и был прекрасным наездником и увлеченным охотником.

Гитлер, наоборот, был вегетарианцем, соблюдающим своеобразную и скудную диету; он не пил спиртного и строго осуждал людей, курящих в его присутствии; он ненавидел лошадей и рассматривал дворянскую охоту как убийство невинных животных и по этому поводу в своих беседах часто впадал в чрезвычайную сентиментальность. Этот ефрейтор, кроме того, был движим подсознательным подозрением ко всем высшим офицерам, всегда испытывая страх, что они не принимают его всерьез.

В ответе на анкету, предложенную ему его адвокатом, Кейтель подчеркивает, как тяжело было работать с новым начальником: «Я действительно имел право высказывать свое собственное мнение. Но фюрер обычно тут же пресекал меня и говорил, что *он* думает и какое его *собственное* мнение. Было очень тяжело противоречить ему. Часто я мог высказать свою точку зрения только в самую последнюю очередь».

Кроме того, Кейтель приводит ответ Гитлера всякий раз, когда тот встречал какие-либо возражения: «Я не знаю, почему вы так кипятитесь из-за этого. Вы не отвечаете за это, ответственность лежит на мне одном»².

И д-ру Нельте, своему адвокату, и одному из американских следователей Кейтель описывает, как он страдал вначале от манеры поведения Гитлера. И в этом тоже Гитлер был «революционером», а Кейтель – солдатом старой школы. К несчастью, это часто лишало его уверенности, которая была ему необходима, чтобы противостоять истеричному поведению Гитлера: «Мы смотрели на вещи по-разному». Он добавляет, что он никогда не думал, что Гитлер испытывает к нему хоть какое-то действительное доверие; но он считал своим долгом «переждать» атаки Гитлера на офицерский корпус и сухопутные силы. «Я был, – замечает он, – гитлеровским громоотводом».

² Заявления Кейтеля под присягой для своего адвоката.

С другой стороны, Кейтель, как солдат, был убежден, что этот человек, возглавлявший рейх и вооруженные силы, обладал незаурядными талантами; Гитлер действительно был необыкновенно одаренным во многих областях, обладал сверхмощным чарующим красноречием, отлично помнил детали, даже в военных делах, и потрясающим воображением, силой воли и смелостью. По мнению Кейтеля, его традиция верности к повелителю автоматически перешла на нового вершителя судьбы Германии; это была та же самая верность личности монарха, которая столетиями управляла мыслями офицеров при любом государственном строе Германии. Фюрер бессознательно стал чем-то вроде Ersatz-Kaiser. И хотя с правителем могло быть трудно или он мог поступать необычно и, по мнению многих, слишком необъяснимо, он был священным. Критиковать его, публично или в частной беседе, было бесчестно; можно было лишь из чувства долга выражать сомнения о правильности некоторых приказов. Но как только правитель принимал решение, офицер был обязан исполнять эти приказы и брать на себя ответственность за них.

Этот принцип еще не изжил себя со времен эпохи старых прусских юнкеров XVIII века и был выражением усовершенствованного понятия верности, возникшего во времена кайзера Вильгельма. В случае такого вождя, как Гитлер, это было особенно опасно; но все-таки это был принцип, которому следовал фельдмаршал Кейтель. Но было и еще кое-что: у Гитлера был дар влиять на людей; это был дар, который он часто использовал в отношении Кейтеля. Хотя фельдмаршал и был очень смелым офицером, в душе он ощущал себя беззащитным против Гитлера, тем более что в течение долгого времени он был вынужден соглашаться, что фюрер Германии оценивал конкретные ситуации более точно, чем его опытные солдаты: «Я был бесконечно преданным оруженосцем Адольфа Гитлера; мои политические взгляды должны были быть национал-социалистическими».

Так Кейтель описал себя чехословацкому адвокату полковнику д-ру Богуславу Экеру на предварительном допросе 3 августа 1945 г. Но он подчеркнул, что ранее, во времена кайзеровского рейха и Веймарской республики, у него не было политических симпатий и он не участвовал в политической деятельности; поэтому он не стал «нацистом», добавил он.

С другой стороны, Кейтель признает, что, когда его спросили о стоимости программы перевооружения Германии, он «чуть не упал», когда узнал, что 1 сентября 1939 г., во время своей первой речи о войне, Гитлер оценил ее в 90 миллиардов рейхсмарок, тогда как фактически она никак не могла быть больше 30 – 40 миллиардов. Такие преувеличения и обманы были частью натуры этого «верховного вождя». Для Кейтеля Гитлер – как человек и как фюрер – всегда был загадкой. Самоубийство Гитлера в конце войны и его уклонение таким образом от единоличной ответственности, о которой он так страстно и резко заявлял во время споров с Кейтелем, было тем, что фельдмаршал не мог понять до конца. Но он не отказался от своей роли «оруженосца» Гитлера, даже несмотря на то что он должен был заплатить за свою верность собственной жизнью.

* * *

Документы и письма, воспроизведенные в этой книге, взяты в основном из двух источников: во-первых, из переписки, содержащейся в документах его Нюрнбергского адвоката, д-ра Отто Нельте, и огромного количества писем, написанных женой фельдмаршала своей матери, отцу и свекру; письма воспроизведены с некоторыми купюрами, опущенные фрагменты отмечены точками. Во-вторых, использованы мемуары и воспоминания, написанные самим фельдмаршалом в тюремной камере в Нюрнберге, где он ожидал вынесения приговора и расстрела, составленные без доступа к каким-либо документам или материалам.

Кейтель описывает тяжесть последних месяцев до суда и выполнения приговора в записках о своей жизни, в конце которых он указывает:

«Условия, в которых мы живем здесь в течение пяти месяцев, сейчас [после возвращения в нюрнбергский Дворец правосудия] оставляют желать лучшего, поскольку я ничего не знаю о том, что происходит с моей страной и моей семьей, и, конечно, о том, что ждет меня самого. В последние два месяца нам разрешили писать письма и открытки, но мы не получили никаких ответов.

Очевидно, все эти обстоятельства не могли не отразиться на моем здоровье, нервах и умонастроении. С мая [1945 г.] я потерял два стоуна³ в весе, из которых один – за последние восемь недель пребывания здесь, в нюрнбергской тюрьме. Сейчас я уже не могу худеть больше.

Я хорошо понимаю, что мы, солдаты, должны быть привлеченными к ответственности военным трибуналом союзников и что нас нужно держать врозь в заключении на время расследования, но я заметил, что то, что меня в моей камере лишили даже самых скромных предметов необходимости, – это гораздо тяжелее утомительных, как всем известно, допросов, на которых все свои показания – поскольку я нахожусь под присягой – я должен тщательно взвешивать.

Я упоминаю только некоторые лишения. С 5.30 вечера или когда наступает темнота – которая теперь наступает значительно раньше, чем этот час, – можно только сидеть и размышлять в темноте, потому что мои очки забрали, и читать невозможно даже при тусклом свете, проникающем из коридора. Во-вторых, здесь есть только одна койка и один маленький стол, но нет письменного стола, отделения или полки, забрали даже деревянный стул. В-третьих, нет ничего, на что можно было повесить или положить одежду и белье: приходится класть их на каменный пол, и одежду нельзя содержать в чистоте. В-четвертых, окно, которое проветривает камеру и регулирует температуру, не открывается изнутри. В-пятых, прогулка на свежем воздухе ограничена десятью минутами.

Это только наихудшие лишения, которые выходят за пределы того, что и так уже является общеизвестной строгостью обстановки тюрьмы предварительного заключения. То, как все это влияет на мое умонастроение, и неопределенность моей судьбы постепенно берут верх над моими физическими и психическими возможностями.

Я должен подчеркнуть, что, составляя этот список причин моего физического и психического спада, я *не выражаю какое-либо недовольство*, поскольку я не сомневаюсь в истинных добрых стремлениях моих непосредственных зрителей [американцев] и поскольку я лично пользуюсь разнообразной помощью американских военных врачей, то должен выразить им свою искреннюю благодарность. Но моя постоянная боль в пояснице является физической пыткой для шестидесятилетнего человека, которому не разрешают даже стул со спинкой».

Как будет видно из основного текста мемуаров, у Кейтеля не было времени прочитать или исправить свою рукопись, и, как можно ожидать, в ней много ошибок в хронологии, орфографии и деталях. Подчас в предложениях отсутствуют глаголы или окончания. Понимая, что это – исторический документ наивысшей значимости, редактор пришел к решению расставить знаки препинания и в некоторых местах исправить грамматику оригинала. В английском издании исправлены неправильные даты и неверное написание имен, а там, где есть некоторые сомнения насчет точного смысла слов Кейтеля, это отмечено в примечаниях или текст оставлен неисправленным. В некоторых местах редактором вставлены предполагаемые окончания предложений и пояснительные фразы, заключенные в квадратные скобки.

Подчеркивания в оригинале Кейтеля отмечены курсивом.

Вообще, удивительно, что вопреки огромной психической нагрузке тех недель между вынесением приговора и его исполнением фельдмаршал был способен записать настолько выверенную оценку своей жизни и описать свой *modus operandi*⁴ во время тех решающих годов

³ Стоун – около 6,34 кг. (Примеч. пер.)

⁴ Образ действий (лат.). (Примеч. пер.)

в истории Германии. Но возможно, эта работа стала отдушиной для человека, который за предыдущие два десятилетия должен был привыкнуть к штабной бумажной работе, а также это отвлекало его внимание, поскольку давало ему хоть что-то для работы ума.

Нельзя утверждать, что фельдмаршал был прирожденным писателем, нельзя видеть в его рукописи труд великого историка. Стил ь этой его первой и единственной книги часто нескладный и запутанный; возможно, он изменил бы и переработал многое, если бы у него было больше времени.

И хотя он не уделял внимания драматизму и красочности описания, его записки военного времени и письменные приказы свидетельствуют о том, что он умел хорошо выражать свои мысли простыми ясными словами. Эту простоту нужно иметь в виду при чтении его мемуаров.

Глава 2

КРИЗИС БЛОМБЕРГА-ФРИЧА, 1938 Г.

Зимой 1936/37 г. Бломберг приказал вооруженным силам приступить к объединенным маневрам: это должно было позволить нам получить опыт единого командования над вооруженными силами в военное время и выявить скрытые проблемы в дебатах между нами и Генеральным штабом. Эти маневры должны были стать строгой практической проверкой взаимных распределений полномочий внутри высших эшелонов военной структуры. В качестве начальника департамента национальной безопасности генерал Йодль управлял этими маневрами в тесном сотрудничестве со мной. Бломберг, Йодль и я надеялись, что они могут разрешить противоречие между преобладавшими тогда точками зрения. Мы отдавали себе отчет, что в полной мере осознавали, что мы касались весьма деликатной темы, за что Генеральный штаб не скажет нам спасибо, а обвинит в предательстве. Я полностью сознавал, что, как начальник департамента и ответственный за решение по проведению маневров, я мог стать предметом их неприязни: я мог бы считаться духовным отцом таких новшеств [учений, руководимых объединенным оперативным штабом].

Бломберг провел последнее собрание с подчиненными ему генералами и адмиралами в присутствии Гитлера⁵. Результатом была вспышка необузданного возмущения Генерального штаба: кот выпрыгнул из мешка. Когда Гитлер и Бломберг вместе покинули комнату, Фрич протиснулся ко мне и объявил, что эти планы по управлению деятельностью армии на высшем уровне недопустимы. По-моему, это был единственный момент, когда его ярость кипела так сильно, что он просто не мог не выплеснуть ее на меня; позднее мы уже никогда не говорили об этом инциденте. В глазах Генерального штаба было совершенно недопустимо, чтобы «министр вооруженных сил» стремился к исполнению командных функций; и командование сухопутных сил заявило, что откажется признать абсолютную власть Бломберга над сухопутными силами. Они даже не хотели слушать об этом. Я был слишком прост, слишком наивен и слишком рационален, чтобы увидеть, что, открыто обсудив это решение, которое казалось мне наиболее очевидным, я навлек на себя такую неприязнь, которая камнем повисла на моей шее. Как-никак, Бломберг был начальником Генерального штаба – в то время носившего название «войсковое управление», и, по существу, он был предшественником Адама и Бека, занимавшего на данный момент эту должность, мои дружеские отношения с которым теперь были бесповоротно разрушены.

Я провел несколько встреч с Беком, которые часто продолжались по несколько часов, но ни одна из моих попыток не помогла мне добиться его одобрения постановлений по единому управлению войсками, которые собирался издавать Бломберг, или принять в расчет его возражения. Например, я приезжал к нему несколько раз с наброском первой директивы Бломберга «Мобилизационная и боевая директива для вооруженных сил», изданной окончательно летом 1937 г.; я отдал ему этот набросок для изучения и получил его обратно с многочисленными замечаниями на полях. Они в основном носили формальный характер, но ясно выдавали его сдержанное раздражение тем, что кто-то смеет издавать директивы для его армии. Когда он в конце сказал мне, что Генеральный штаб не намерен предпринимать какие-либо подобные «приготовления», как того требовал Бломберг по настоянию Гитлера, без сомнения из-за политической и стратегической оценки ситуации Генеральным штабом, то я изменил слово «подготовка» на «пересмотр», очень слабый компромисс, но единственный, который Бломберг

⁵ Это собрание в записке для его адвоката, д-ра Нельте, описывается Кейтелем по-другому.

явно просмотрел, когда он в итоге подписывал документ. Йодль и Цейтцлер, начальник его штаба, были тогда очень возмущены моей капитуляцией перед Бекком.

На самом деле Генеральный штаб сухопутных сил продолжал держать эту директиву в сейфе и не предпринимал никаких действий. На Нюрнбергском процессе этому документу было уделено особое внимание и доклады Йодля и мой о его истоках были встречены лишь с сочувственным недоверием. В действительности тут не было ни плана *Отто*, ни планов *Зеленый* или *Красный*, а только крайне слабая защита наших границ на востоке и западе и приговора к эвакуации подверженных опасности пограничных зон к западу от Рейна и к востоку от Одера. Чего мы с Бломбергом действительно боялись в то время, была вероятность санкций, о которых нам стало известно из итальянской кампании в Абиссинии. Они нависали над нами как дамоклов меч все время, пока наша программа перевооружения находилась всего лишь на стадии разработки; необходимо помнить, что у нас не было и армии в семь боеспособных дивизий, поскольку она была рассредоточена по рейху с 1 октября 1935 г., чтобы стать ядром для формирования новой армии в тридцать шесть дивизий.

В любое время наши соседи могли безнаказанно перейти наши границы и потребовать разоружения. Армия в то время не располагала ни танками, ни тяжелой артиллерией и, кроме того, была в недостаточной мере укомплектована стрелковым оружием; наш военно-морской флот не имел большого значения, а военно-воздушные войска еще только создавались с большими трудностями. Любой вид военного вмешательства мог быть осуществлен с легкостью. Никто не понимал этого лучше, чем Гитлер, и, учитывая эти опасности, он выстраивал свою внешнюю политику.

Следующим шагом Бломберга, развивавшего свою кампанию по расширению контроля над вооруженными силами, был приказ мне подготовить военные маневры с участием военно-морского флота и воздушных сил. Во время скандинавского вояжа на борту яхты «Гриль» Бломберг определил цели этих учений, которыми должен был руководить Йодль. Когда я позднее давал инструкции Фричу [главнокомандующему сухопутными силами], поскольку на сухопутные войска приходилась львиная доля этих маневров, он только снисходительно улыбнулся на предполагаемую «боевую обстановку» и заявил, что намеченный для маневров район Мекленбурга совершенно не подходит. Я попросил его отобрать состав штаба учений для сухопутных сил и отрядов для разведки области учений. Он согласился с этими просьбами и выбрал генерала Гальдера, тогдашнего начальника отдела боевой подготовки, на роль начальника штаба. Генерал Бек, начальник Генерального штаба, был слишком высокомерен, чтобы участвовать в таком предприятии, которое, по его мнению, было обречено с самого начала. Так как я все время присутствовал только на заднем плане и играл малую роль в трудоемких приготовлениях и управлении маневрами, я, пожалуй, воздержусь от их оценки: я бы расценил все предприятие как крайне успешное; Йодль заслуживал за них наивысшей похвалы.

Несколько именитых гостей приняли приглашение Бломберга поприсутствовать, включая Айронсайда [фельдмаршала сэра Эдмунда Айронсайда], начальника Генерального штаба Великобритании, и его сотрудников, главу Италии Муссолини и его окружение, делегации из различных других стран и все военные атташе в Берлине. Мы в первый раз продемонстрировали наш подводный и надводный флот, атакующий Свинемюнде; мы показали наши бомбардировщики в действиях по поддержке наземных и морских операций, выполнявших атаки на большой высоте и в пикировании; маломощную танковую дивизию, оснащенную легкими танками, вооруженными только пулеметами, потому что у нас тогда не было более тяжелых танков.

Затем гости Бломберга встретились за кофе в столовой на авиационной базе в Тутове, где мы в последние дни подготовки разместили штаб наших маневров. Генерал Гальдер заслуживал особой благодарности за успех этой нашей первой попытки совместных операций, за то, что все прошло так гладко; он великолепно справился со своей трудной ролью и внес самый большой вклад в общий успех предприятия.

Единственной диссонирующей нотой, для улаживания которой пришлось вызывать меня, было неожиданное появление в штабе «синих» специального батальона военных журналистов и корреспондентов, посланных министерством пропаганды. Рундштедт [генерал-полковник фон Рундштедт], начальник штаба, выпроводил этих господ без малейших церемоний, в результате чего они были глубоко оскорблены и тотчас же выразили желание вернуться. Мне пришлось сходить туда и успокоить эту группу, которая так или иначе находилась под контролем офицера из моего управления вооруженных сил, восстановить мир между ними и Гепнером, начальником соответствующего штаба, так что корреспонденты смогли возобновить свою работу и получить необходимую им информацию.

Из Тутова я нанес свой первый визит главному лесничему Мюллеру на полуострове Дарсс, которой был объявлен заказником и куда Геринг пригласил меня поохотиться на оленей в сезон охоты. Принял он меня очень радушно, и я немедленно сошелся с ним, что позднее переросло в теплую дружбу, которая принесла мне много счастливых часов на этом полуострове. В начале октября я подстрелил своего оленя.

После этих военных учений Муссолини завершил свой визит в Берлин, где его принимал фюрер. Вечером на государственном стадионе в Берлине провели парад в его честь, с огромной манифестацией, где с трибуны сначала Гитлер, а потом Муссолини обращались к стотысячной толпе, последний говорил по-немецки. Огромную толпу накрыло ливнем, и мы почти час пытались добраться до машины, чтобы уехать домой.

1 октября [1937 г.] я частично реорганизовал управление вооруженных сил, которое из-за принудительного расширения своих функций уже начало расползаться по нескольким направлениям: я сгруппировал то, что до сих пор было маленькими отделами, в более крупные отделы и подразделения с оперативным штабом вооруженных сил [Wehrmacht-Führungsammt (нем.)], отделы экономики и вооружений, службы разведки с тремя отделами (1-й – разведывательный; 2-й – диверсионный; 3-й – отдел контрразведки), последнему подчинялся наш иностранный отдел.

Наконец, я сформировал из различных подразделений, которые некогда относились к общей категории «внутренние», «общее управление вооруженных сил». Эти службы возглавлялись генералами, которым была предоставлена огромная свобода для самостоятельных действий. Это был наш первый, совсем не преднамеренный шаг к тому, что позднее станет ОКБ, Верховным командованием вооруженных сил. Моя собственная идея, вполне согласованная с линией Бломберга и к которой он полностью присоединился, заключалась в более четком разделении его командования и его исключительно министерских функций, так что как Верховный главнокомандующий он должен был стать *Oberkommando der Wehrmacht*, Верховным главнокомандующим вооруженными силами, а как министр – иметь министерский секретариат; поэтому он мог бы издавать свои приказы и постановления на соответствующих служебных бланках, на одних как «Верховный главнокомандующий вооруженными силами», а на других – как «военный рейхсминистр». Эта вторая функция во всех отношениях должна была быть переведена ко мне, я мог бы быть чем-то вроде заместителя министра, в то время как вышеупомянутая должность более четко, чем раньше, определяла бы его командные функции.

Таким образом можно было бы реально вести войну: оперативный штаб вооруженных сил мог бы в добавление ко мне получить начальника Генерального штаба, в то время как я освободил бы Верховного главнокомандующего от большей части его министерских обязанностей. Сегодня я все еще считаю, что это решение было единственно верным; Главнокомандующий сухопутными силами фактически продолжил дальше эту линию во время войны тем, что назначил вполне самостоятельного командующего резервной армией, который принял основной груз административной работы в этой армии. Для меня было очевидно, что Верховному главнокомандующему необходим высококлассный оперативный штаб, хотя бы даже очень небольшой, и что выбор его начальника зависел от личности кандидата и его надежно-

сти, который, однако, мог быть решен только перед войной или в ее начале. У меня никогда не было каких-либо личных амбиций в отношении этой должности; мне не доставало для этого необходимых качеств, недополученных в результате моего военного воспитания. Бломберг и я в этом отношении были вполне согласны. Хорошо известна причина, почему соответствующее преобразование не произошло при Бломберге. Выбор названия для этого поста, если бы произошла такая реорганизация, не имел большого значения; я сам в то время думал о «начальнике ОКБ» или «генерал-квартирмейстере вооруженных сил»⁶.

Мои официальные контакты с иностранными военными атташе были весьма неопределенными и случайными, как и с нашим собственным посольством тоже; я был рад, что меня не обременяют официальными визитами, и, если они были неизбежны, я просил, чтобы присутствовал начальник иностранного отдела сухопутных сил, так как он хорошо знал, как надо шпионить.

Только Осима [японский военный атташе] был частым и желанным гостем в моем офисе; я с нетерпением ожидал его визитов, так как был рад подобной возможности получить информацию об их войне на Китайском театре. Во время их официального визита к нам под Рождество 1937 г. он сказал мне, что, по его мнению, они все еще могут захватить Нанкин (его захват был неизбежен) и что тогда они будут должны завершить войну с Китаем, придя к компромиссу любой ценой. Он был прав, но, к несчастью, события пошли другим путем, поскольку Токио не разделял его взглядов и не мог понять, что войне на огромных пространствах не будет конца, если победитель не удовлетворится, а будет постоянно выбирать цели и пытаться завоевать еще больше.

С началом китайско-японской войны Гитлер в конце концов списал со счетов проводимую Бломбергом и Рейхенау политику в отношении Китая и отозвал из Китая военную германскую миссию. Бломберг добился от Гитлера, чтобы в Китай послали Рейхенау зимой 1935/36 г.; нашим посредником в отношениях с Китаем был некий господин Кляйн, бывший банкир и агент фирмы Отто Вольфа. Он создал надежду на обширную торговлю с Китаем, при которой они смогли бы поставлять сырье для нашей программы перевооружения в обмен на поставки вооружений и возведение в Китае заводов по производству снаряжения, стрелкового оружия и пулеметов, а также оружейных складов. Рейхенау был должен нанести там визит генералу фон Секту, получить под ключ контракты г-на Кляйна с Чан Кайши и познакомиться с Китаем.

Все это на самом деле служило укреплению политической империи Рейхенау. Генерал фон Сект был первым советником, назначенным некоронованным императором Китая [Чан Кайши]. Однако по причине слабого здоровья он много времени проводил в уединении в горах и в скором времени был замещен генералом фон Фалькенхаузенем, энергичным главой германской военной миссии.

Контракты г-на Кляйна и соглашения, подписанные Рейхенау от имени военного министра Германии, а следовательно, правительством рейха, остались ничем, кроме как кипой бумаг, хотя мы получили по ним несколько грузовых судов с яичным порошком и пищевыми продуктами, а также несколькими тысячами тонн сурьмы, висмута и других драгоценных металлов в небольшом количестве.

Мне с министром финансов было поручено поправить наш истощенный золотой запас через бюджет нашей организации. Высокая китайская награда, полученная Бломбергом при ответном визите китайского министра финансов Кунга и его помощников, осталась единственной нашей выгодой от нашей китайской политики.

⁶ Далее в рукописи Кейтеля следует очень длинное описание общественных отношений семьи Кейтеля в Берлине в 1937 г., рассказывается о встречах с генерал-майором Осимой, японским военным атташе, и польским военным атташе, полковником Шиманским; фельдмаршал считал, что он «произвел хорошее впечатление» на французского и английского послов, Андре Франсуа-Понше и сэра Невилла Хендерсона. Весь этот фрагмент опущен редактором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.